

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.С. Смирнов

**Споры в расколе
по догматическим вопросам
в XVII веке**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1897. № 7. С. 60-94.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

СПОРЫ ВЪ РАСКОЛѢ ПО ДОГМАТИЧЕСКИМЪ ВОПРОСАМЪ.

въ XVII вѣкѣ.

ПРИ СВОЕМЪ отдѣленіи отъ церкви расколъ не былъ повиненъ въ какихъ либо догматическихъ заблужденіяхъ. Поводомъ къ его возникновенію послужили исправленія въ церковныхъ книгахъ и обрядахъ, хотя самъ расколъ смотрѣлъ на эти исправленія какъ на измѣненія въ вѣрѣ. Только уже послѣ этого и именно условія жизни внѣ церкви вынудили послѣдователей раскола создать такія доктрины, которыя во многомъ оказались противными православному догматическому ученію. Однако еще въ самомъ началѣ раскольнической исторіи возникли такіе споры, которые носили чисто догматическій характеръ. По своему происхожденію они были совершенно случайны и съ доктриной раскола никакой связи не имѣли, тѣмъ не менѣе и они являются характернымъ эпизодомъ изъ исторіи раскола, какъ съ точки зрѣнія его прошлаго, такъ и для еѣ настоящаго.

Событіе переноситъ насъ къ самому началу существованія раскола. Борьба раскола противъ церкви стоитъ въ первой силѣ. Въ церкви открыты останки всѣхъ древнихъ ересей и больше всего латинскихъ. Увѣряютъ, что въ новыхъ книгахъ каждый листъ испрокаженъ латинскими ересями, отъ ученія о Святой Троицѣ до возглашенія пѣсни аллилуіа. Обвиненіе все сильнѣе и сильнѣе бьетъ на повышеніе и доходитъ до обнаруженія въ церкви антихристовой прелести. Расколуучители снѣшать опередить другъ друга, и въ поискахъ нужнаго для защищаемаго ими дѣла положительно истощаются. И вдругъ раздается споръ въ самомъ расколѣ. Спорять о вели-

кихъ христіанскихъ догматахъ : о Троицѣ, о воплощеніи Бога Слова, о сошествіи Его въ адъ, о Святомъ Духѣ, объ ангелахъ, о душѣ, вообще о многихъ важныхъ предметахъ вѣры. Изъ этого спора обнаруживается, что расколъ въ лицѣ перваго своего представителя дѣйствительно забрелъ въ бездну всякихъ ересей, и что, наоборотъ, такихъ ересей, какъ конечно и никакихъ, совсѣмъ нельзя указать въ новопечатныхъ книгахъ. Особенную важность имѣло не столько первое признаніе, сколько именно это второе. Изъ святаго въ представленіи раскольника мѣста, откуда ждалъ свѣта весь раскольниковскій міръ, изъ устъ расколоучителя, славившагося особеннымъ знаніемъ писанія, слышится безпристрастный отзывъ о новопечатныхъ книгахъ: дивная вещь! И расколъ слушалъ этотъ отзывъ, не возражалъ,—но... тотъ же самый расколоучитель держалъ совсѣмъ другую рѣчь, когда обращался съ разсужденіями о томъ же предметѣ къ лицу православныхъ. Такова природа раскола и до настоящаго времени...

Имѣетъ описанный нами эпизодъ еще значеніе для одного частнаго вопроса, разрѣшеніе котораго важно не только въ историческомъ, но и въ практическомъ отношеніи.

Издавна раскольники обвиняютъ православную церковь за такъ называемыя «жестокословныя порицанія» на старыя обряды. И чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ настойчивѣе дѣлается обращеніе ихъ къ этому доводу. Достаточно сказать, что даже «Окружное посланіе» признало эти порицанія «важною виной» отдѣленія раскольниковъ отъ церкви. Изъ посланія видно и то, почему для раскола такъ необходимо искать въ этомъ себѣ оправданіе. Оказывается, что дѣйствительной причины отдѣленія раскольниковъ отъ церкви совсѣмъ не существуетъ, потому что расколъ не можетъ указать въ ней какихъ либо ересей. При такихъ условіяхъ, поставленный въ необходимость отыскивать тѣ или другія средства самозащиты, расколъ прибѣгаетъ между прочимъ и къ указываемому основанію. По существу дѣла ссылка является напрасной, такъ какъ жестокословныя порицанія были высказываемы лишь частными лицами и потому къ вопросу о православіи церкви и о несообщеніи съ нею не могутъ имѣть отношенія. Тѣмъ не менѣе расколъ крѣпко держится за это обвиненіе, какъ за послѣднюю свою опору, и даже съ успѣхомъ пользуется имъ, съ одной стороны для совращенія единовѣрцевъ въ расколъ, а съ другой для удержанія

раскольниковъ отъ обращенія въ единовѣріе. Причина послѣдняго обстоятельства заключается въ томъ, что въ единовѣрїи употребляются тѣ самыя обряды, которые, по данному обвиненію, подвергаются порицаніямъ со стороны церкви, въ общенїи съ кою единовѣріе состоитъ. Въ 1886 году, по просьбѣ единовѣрцевъ, отъ лица Святѣйшаго Синода было издано въ этихъ видахъ, даже особое «изъясненіе» о такихъ порицаніяхъ. Поставляя на видъ, что церковь признаетъ порицанія принадлежащими частнымъ лицамъ и сама ихъ не подтверждаетъ и не раздѣляетъ, «изъясненіе» тѣмъ самымъ отнимаетъ у раскольниковъ возможность оправдывать себя и смущать немощную совѣсть единовѣрцевъ. Но зло все таки не прекращается — просто по недобросовѣстности расколоучителей. Они и нынѣ продолжаютъ доказывать тоже самое и только на иной нѣсколько ладъ. Обыкновенно берется главный раскольническій догматъ — двуперстіе, и на немъ, какъ на примѣрѣ, поясняется, что церковь будто бы погрѣшила противъ Св. Евангелія. При отмѣнѣ двоеперстія оно, говорятъ современные намъ раскольники, было обозвано несторіанской и армянской ересію. Это была ложь, но ложь завѣдомая, допущенная не по ошибкѣ. А ложь, по Евангелію, отъ діавола. Ясное дѣло, заключаютъ они, что церковь повинна во грѣхѣхъ противоевангельскаго лжеучительства¹⁾. Мы не станемъ разсматривать даннаго вопроса по его существу и въ цѣломъ видѣ, потому что отвѣтъ на него данъ въ вышеупомянутомъ «изъясненіи». Обратимъ наше вниманіе лишь на то, почему при возникновеніи раскола защищавшіе двуперстіе были заподозрѣны со стороны церковной власти въ несторіанскомъ образѣ мыслей? и дѣйствовала ли при этомъ послѣдняя искренно и по убѣжденію?²⁾ Въ первый разъ такого рода подозрѣніе было высказано въ книгѣ «Скрижаль», въ напечатанномъ здѣсь особомъ наставленіи, какъ слагать и какіе персты для крестнаго знаменія, и въ «вопросѣ» патр. Ни-

¹⁾ См. изданную извѣстнымъ расколоучителемъ Онисимомъ Швецовымъ книжку: «Показаніе всеобдержности двуперстнаго сложенія въ древней православной церкви и погрѣшности противу святаго Евангелія въ новообрядствующей грекороссійской церкви». Яссы, 1888, типографія Б. Н. П.—къ.

²⁾ По поводу наименованія двуперстія армянскимъ обычаемъ уже дано объясненіе въ нашей литературѣ. Выяснено, что власть и въ этомъ случаѣ поступала не только вполне искренно, но и не ошибочно. «Христ. Чт.» 1875, II, 660—69.

кона восточнымъ святителямъ о томъ же предметѣ. Имѣя въ виду, что въ двуперстіи три перста, большой и два послѣднихъ, употребляются въ знаменованіе святой Троицы, а два, указательный и великосредній, въ знаменованіе таинства смотрѣнія Бога Слова, означенное наставленіе ставило двуперстникамъ такое возраженіе: «зрите убо, еда не впадаете, аще и нехотящимъ вамъ, во еже мудрствовати двѣ ипостаси во единомъ Христѣ и раздѣляти по Несторію, глаголющему иного убо быти сына Бога Слова, иже отъ Отца рожденнаго прежде вѣкъ, другаго же Иисуса иже изъ Назарета, человекъ проста непщевавшему, и по любви соединенна, а не Бога истинна воплощася, якоже и вы нынѣ раздѣляете: первѣе въ трехъ перстѣхъ изобразующихъ святую Троицу указываете быти Сыновню ипостась, таже особь отдѣливше ину повѣдаете быти, во указательномъ, глаголю, и великосреднѣмъ». Подобнымъ образомъ выражено было Никономъ недоумѣніе и въ названномъ его «вопросѣ» восточнымъ патріархамъ. «Како разумѣти двѣма персты, указательнымъ и среднимъ, смотрѣнія таинство, яко да не возмнится кому четвертое лицо въ составѣхъ имѣти»: если слагаются два перста во образъ воплощеннаго Бога Слова, то не дается ли этимъ поводъ заключать, что здѣсь Богочеловѣкъ признается особымъ, четвертымъ лицомъ во святой Троицѣ? Откуда и какъ, спрашивается, могло зародиться такое подозрѣніе? Чтобы отвѣтить на это, мы должны помнитъ, что въ «вопросѣ» есть одно весьма важное указаніе, которое и слѣдуетъ имѣть въ виду въ данномъ случаѣ. «Воздвизаютъ нѣщмы въ насъ прю,— писалъ Николь,— како персты имѣти десницы и вообразати на лицѣ знаменіе креста». Въ этихъ словахъ патріархъ указалъ причину, побудившую его заняться изслѣдованіемъ вопроса о перстосложеніи. Возникли споры о перстосложеніи,—кто же были эти «нѣщмы», возбудившіе споры? и въ чемъ споры состояли? Извѣстно, что первое распоряженіе Никона объ отиѣнѣ двуперстія послѣдовало за два года до составленія разсматриваемаго «вопроса», именно въ 1653 году въ особой «памяти» патріарха. Извѣстно и то, что эта «память» вызвала протестъ со стороны нѣсколькихъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ и протопопъ Аввакумъ,—протестъ, кончившійся подачею царю челобитной. Послѣдняя была составлена именно Аввакумомъ при участіи другого протопопа Даниїла и посвящена защитѣ двуперстія предъ троеперстіемъ. По свидѣтель-

ству самого Аввакума, въ челобитной «много писано было», такъ что Никонъ, которому, какъ думаетъ тотъ же Аввакумъ, царь передалъ ее на разсмотрѣніе, могъ очень подробно ознакомиться съ ученіемъ названныхъ защитниковъ двуперстія ¹⁾. Отсюда естественно допустить, что и въ рѣчи о «вовдвизающихъ прію» по вопросу о перстосложеніи патріархъ разумѣлъ главнымъ образомъ составителей означенной челобитной. Дѣйствительно, подлинныя писанія Аввакума даютъ полное основаніе думать, что подозрѣнія относительно неправомыслия употреблявшихъ двуперстіе было вызвано именно толкованіями о немъ протопопа Аввакума. Изъ предлагаемой нынѣ статьи читатель самъ увидитъ, какъ училъ Аввакумъ о такихъ догматахъ, какъ догматы о Троицѣ и о воплощеніи Бога Слова. Образъ мысли расколоучителя былъ совсѣмъ неправославенъ. Такъ, онъ не могъ представить сѣдѣніе Сына одесную Отца, какъ въ отличіи отъ втораго лица Святой Троицы, мыслимаго «до» или «нага» воплощенія. Отсюда Аввакумъ сталъ «четверить» Троицу и учить о сѣдѣніи Христа на «особомъ четвертомъ престолѣ». вмѣстѣ съ тѣмъ расколоучитель мудрствовалъ, что Христось шель въ утробу Дѣвы не существомъ, а благодатію. Отсюда выходило, что второе Лицо Святой Троицы, мыслимое въ Троицѣ, есть едино по существу съ Отцемъ и Духомъ, и напротивъ не мыслится таковымъ, когда рѣчь идетъ о воплощеніи. Что же, спрашивается теперь, мѣшаетъ думать, что такое именно ученіе было выражено Аввакумомъ въ его разсужденіяхъ о двуперстіи, ставшихъ извѣстнымъ Никону, гдѣ онъ долженъ былъ говорить и о Троицѣ и о воплощеніи единаго отъ Троицы? Хотя, быть можетъ, здѣсь умствованіе Аввакума обнаружилось и не столь ясно и рѣшительно, какъ это было потомъ, и это, въ такомъ случаѣ, было причиной того, что подозрѣніе было высказано Никономъ съ нерѣшительностію, но любопытно спросить, откуда это подозрѣніе въ тѣхъ именно пунктахъ, въ которыхъ заблуждался Аввакумъ? А что патріархъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по убѣжденію и искренно, безъ намѣренія уронить двуперстіе, съ какимъ бы смысломъ оно ни употреблялось, даже безъ всякаго пристрастія къ личности главныхъ защитниковъ двуперстія, это видно изъ примѣра расколоучителя діакона Феодора, который отзывался объ ученіи Авва-

¹⁾ Мат. для ист. раск. V, 18—19.

кума болѣе рѣзко, чѣмъ Никонъ, хотя раскольники, конечно, не заподозрять его въ желаніи возвысить троеперстіе на счетъ двуперстія. Θεодоръ не только вполне соглашался, но и другимъ разъяснялъ и настаивалъ, что если слѣдовать ученію Аввакума, то надо будетъ обвинить приверженцевъ двуперстія въ содержаніи несторіанской ереси. «И на крестное Христово сущее знаменіе въ сложеніи перстовъ,—писалъ Θεодоръ, обличая послѣдователей Аввакума въ неправомъ ученіи о второмъ Лицѣ Святой Троицы, — велію хулу сами наносите тѣмъ неразуміемъ и новоложнымъ толкованіемъ своимъ. Никонъ поклепалъ и оболгалъ напрасно церковное оно правое сложеніе перстовъ въ старыхъ книгахъ,—назвали несторіанствомъ, не смысла. А по вашему нынѣшнему мудрованію и и въ правду такъ два Сына будутъ, по Несторію зловѣрному, еже глаголете въ трехъ лицѣхъ Святыя Троицы самое существо, во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Дусѣ, а во Христвѣ не самое существо глаголете. И сіе ваше зловѣріе и дуракъ узнаеть, яко два Сына исповѣдуете, великаго да малаго, и тако четверицу славите, а не Троицу Святую»¹⁾). Если отбросить раскольническую окраску этихъ выраженій, да принять во вниманіе, что патріарху Никону ученіе Аввакума стало извѣстнымъ ранѣе, чѣмъ діакону Θεодору, то ссылка на данный отвѣтъ послѣдняго получить надлежащій свой смыслъ. Именно, двуперстіе само по себѣ вполне православно, и если бы не было неправыхъ съ точки зрѣнія православнаго ученія о немъ толкованій со стороны расколоучителей, то не явилось бы и подозрѣній относительно его или какихъ-либо вообще «жестокословіи». Отсюда понятно, кто былъ первымъ виновникомъ того, въ чемъ раскольники и доселѣ такъ несправедливо обвиняютъ церковь. Если подозрѣніе относительно употребленія двуперстія высказывалось въ православныхъ книгахъ и потомъ, если, наконецъ, и въ настоящее время церковь различаетъ крестящихся двуперстно старообрядцевъ отъ самаго двуперстія въ его существѣ и истинномъ значеніи, то причиной того, помимо другихъ причинъ, служить то, что въ расколѣ и прежде были и теперь есть такіа лица, которыя усвояютъ двуперстію неправославное толкованіе²⁾).

¹⁾ Мат. для ист. рек. VI, 135.

²⁾ Такъ, наприимѣръ, составитель „Поморскихъ отвѣтовъ“ Андрей Денисовъ, а въ недавнее время не менѣе знаменитый въ исторіи рас-

Въ заключеніе, прежде чѣмъ приступить къ изложенію догматическихъ споровъ въ расколѣ въ XVII вѣкѣ, замѣтимъ, что описываемый нами эпизодъ нельзя считать единственнымъ въ исторіи раскола. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ грубую ересь впалъ знаменитый инокъ Павелъ Бѣлокриницкій, а въ наши дни продолжателемъ его явился извѣстный книгчій Онисимъ Швецовъ. Раскольническіе соборы осудили того и другого....

I.

Ссора въ Пустозерскѣ.—Два противника.—Картина ихъ борьбы.—Волненіе въ Москвѣ.

Тѣ догматическіе споры въ расколѣ, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь, по своему происхожденію были случайны. Они не вызывались доктриной раскола и обуславливались исключительно заблужденіемъ нѣкоторыхъ расколоучителей. Тѣмъ не менѣе споры тянулись чрезъ весь разсматриваемый періодъ, проявляясь то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, и къ концу періода приняли наиболѣе обостренный характеръ. Вспыхнувъ въ Пустозерскѣ, пламя перекинулось въ Москву, а затѣмъ на Керженцѣ произвело цѣлую бурю пожара. Въ Пустозерскѣ противниками выступили съ одной стороны діаконъ Θεодоръ, съ другой Аввакумъ и Лазарь, хотя Лазарь не всегда былъ согласенъ и съ Аввакумомъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходилъ на сторону Θεодора. Предметомъ споровъ служили весьма важные вопросы, начиная съ главнѣйшихъ христіанскихъ догматовъ. Именно: ученіе о Святой Троицѣ, о воплощеніи Бога Слова, о сошествіи Христа во адъ, затѣмъ объ ангелахъ, о душѣ, о пресуществленіи святыхъ даровъ въ евхаристіи и т. п. Діаконъ Θεодоръ зналъ Писаніе твердо, мыслилъ почти всегда строго православно, умѣлъ и излагать православное ученіе въ точныхъ выраженіяхъ; Аввакуму и Лазарю недоставало перваго и третьяго изъ этихъ качествъ и потому они то и дѣло впадали въ ошибки и ересь. Впрочемъ дѣло не получило бы того исхода, какимъ оно кончилось, если бы противники Θεодора способны были, какъ и

кота инокъ Павелъ Бѣлокриницкій, учредитель австрійской раскольнической іерархіи, учили, что въ двуцертномъ сложеніи, при образованіи Святой Троицы великимъ и двумя послѣдними перстами, второе лице, т. е. Сына Божія, надлежитъ разумѣть пагъ отъ воплощенія, какое ученіе содержатъ многіе старообрядцы и доселѣ.

онъ, Феодоръ, обсуждать спорные вопросы спокойно, обдуманно и отъ Писанія. Но Аввакумъ всегда и вездѣ взывалъ къ своему авторитету и крѣпче надѣялся на свои проклятія, чѣмъ на основательность доказательствъ. Споры начались скоро по прибытіи расколоучителей въ Пустозерскъ, но скоро было и притихли. Аввакумъ «къ смиренію пришелъ» и сталъ уговаривать Феодора: «кое-де правѣе въ коихъ книгахъ, тако и буди, а впредь покинемъ о томъ стязатися въ темницѣ сей». Феодоръ успокоился. «И азъ его послушалъ, — говоритъ Феодоръ, — и не поминалъ ему о томъ, и все благо было у насъ». Въ концѣ 1669 года была Пустозерская казнь. «И послѣ казни нашей вскорѣ, — продолжаетъ Феодоръ, — начая у насъ размолвка о сошествіи Святаго Духа на апостолы во огненныхъ языцѣхъ». Заспорили горячо. Уличенный въ неправотѣ, Аввакумъ настолько уязвился, что поднялъ и прежніе споры, о которыхъ обѣщался совсѣмъ не упоминать, и напалъ на Феодора «съ яростію великою и воплемъ», сталъ «проклинать» Феодора и называть оретикомъ (VI, 120). Въ Москву дано было извѣстіе, съ описаніемъ, въ чемъ и какъ заблуждается Феодоръ, по мнѣнію Аввакума (V, 175). Боярыня Морозова и ея спутницы княгиня Урусова и Марья Данилова увѣдомлены были особо. «Увы мнѣ, грѣшному! писалъ имъ Аввакумъ приблизительно въ первой половинѣ 1672 года. Ей, слезамъ достойно есть: у меня здѣсь дьяволъ отъ дельныхъ ссору положилъ, — въ догматахъ считалися, да и разбилися. Молодой щенокъ, Феодоръ дьяконъ, сынъ духовный мнѣ, учалъ блудить надъ старыми книгами, и о Святой Троицѣ преткнулся и о Христовѣ во адъ сошествіа, и о иныхъ, догматствуя по никоніански, не лѣпотно... Азъ же не утерпѣвъ безумію его, и слышати не могъ хулы на Бога моего, отрѣзалъ его отъ себя и положилъ подъ клятвою... Буди онъ проклятъ врагъ Божій» (V, 175—6). Пламенные почитатели Аввакума, перечитывая писаніе своего наставника, исключили Феодора изъ числа «начальныхъ отцевъ». Въ Пустозерскъ полетѣли упреки Феодору. Его обличали въ ереси, и укоряли, что онъ уничижаетъ писанія святыхъ отцевъ, и извѣщали, что отсель прерываютъ съ нимъ церковное общеніе. Друзья Феодора во главѣ съ его сыномъ Максимомъ были въ недоумѣніи и тревогѣ (VI, 100—1. 117). Положеніе Феодора было не подъ силу тяжелое. Уже и безъ того, «отъ зѣльной печали» онъ проклиналъ день своего рожденія

(—133). А успокоиться было не на чѣмъ. Мысль о проклятіяхъ, которыми такъ скоро начала раздираться община защитниковъ старыхъ книгъ, скорбь, что «братія», по своей слѣпотѣ въ Писаніи, заблуждается въ великихъ догматахъ православной вѣры и боязнь самому впасть по невѣдѣнію и за недостаткомъ книгъ въ заблужденіе: все это навело Теодора на грустныя думы и — безпомощный съ стопами и воплями сердечными падалъ духомъ окончательно. «Сѣтовахъ нѣкогда, — рассказывалъ послѣ Теодоръ. Въ постъ Филипповъ отпѣхъ заутреню рано, и повалихся на скамейку, и начахъ размышляти въ себѣ, глаголя: что се, Господи, будетъ? Тамо, на Москвѣ, клятвы вси власти налагають на мя за старую вѣру и на прочихъ вѣрныхъ, и здѣ у насъ между собою стали клятвы, и свои друзи мене проклинаятъ за несогласіе съ ними въ вѣрѣ же, во многихъ догматахъ, больше и никоніанскихъ. И егда размышляющу ми о сихъ всѣхъ, абіе внезапно гласъ бысть, яко громъ во ушилицѣ нашемъ. И яко войско велико ангеловъ, или святыхъ прииде, — не видѣлъ лицъ ихъ, — и начаша согласна вси глаголати во едино слово, яко мнози ученицы у мастера, псаломское оно слово: *оскверниша заветъ Его, раздѣлишася отъ чина лица Его*. И многажды се слово возглашаху они, и престаша. И паки начаша второе слово возглашати по семь, псаломское же, сіе оное: *истиною твоею потреби ихъ...* И мнѣ, грѣшному, дано гласы тѣ слышати, а не сказано ничтоже, на кого они тѣ слова пояху: на никоніанъ ли, или на насъ, или мене научаху внѣшнихъ и внутреннихъ противныхъ враговъ тою молитвою потребляти. И въ недоумѣніи быхъ великомъ о томъ» (VI, 95—6). Очевидно подъ давленіемъ тяжелыхъ впечатлѣній Теодоръ доходилъ до полнаго разстройства воображенія. «И своимъ клеветомъ сказахъ о томъ, — заканчиваетъ свой рассказъ Теодоръ, — и они обругали то, и въ смѣхъ поставили, и не умилилися ни мало» (— 96)... Вновь думы и сѣтованія, вновь страхи, и вновь видѣнія одно за другимъ (— 99, 132)... Особенно обидно для Теодора было то обстоятельство, что въ своихъ письмахъ Аввакумъ передавалъ мысли Теодора неточно и даже прямо лгалъ на него «по страсти гнѣвной» (— 107). Поэтому Теодоръ нашелъ необходимымъ взяться за перо, чтобы написать себѣ оправданіе. Безпристрастно, съ полнымъ спокойствіемъ, хотя и съ сердечною скорбію, Теодоръ описалъ все по порядку, съ чего начались и какъ про-

должались его споры съ Аввакумомъ и Лазаремъ. Онъ трудился долго, писалъ обо всемъ подробно, такъ что составила »книжица не малая, листовъ полтораста«, и успѣлъ было переписать ее набѣло. Но Аввакумъ истребилъ эту книжицу своего противника. Любопытный рассказъ объ этомъ читаемъ у самого Феодора. Изложивъ спорные вопросы на бумагѣ, чтобы яснѣе видѣть, гдѣ правда и доказательства, Феодоръ предлагалъ Аввакуму прочесть эти тетрадки. «И онъ въ то время не восхотѣлъ взять. Посемъ же нѣкогда въ полночь выходилъ азъ изъ ямы вонъ окномъ, якоже и онъ, Аввакумъ, въ тынь, и ихъ посѣщалъ и прочихъ братію внѣ ограды. И то хожденіе не любо ему стало: и сотнику сказали онъ. Сотникъ же, Андрей именовъ, врагъ бысть, мздоимецъ, и на мя гнѣвъ имѣлъ за нѣкое обличеніе. И въ то время велѣлъ меня ухватить стрѣльцамъ въ тыну, нага суца. И яша мя, и начаша бить зѣло безъ милости двѣма зубцы великими стоящаго, и все тѣло мое избивша нагое до крови. Азъ вопилъ: Господи, помилуй! И по семь связаша рудѣ мой опако и къ стѣнѣ привязаша, и знобили на снѣгу часа два. А друзи мои зряще и смѣющиеся»: Аввакумъ и Лазарь смотрѣли на зрѣлице и потѣшались. Но и этимъ расправа съ Феодоромъ не кончилась. Аввакумъ подговорилъ стрѣльцовъ похитить у Феодора его упомянутую «книжицу». «А стрѣльцы,—говорилъ послѣ Феодоръ,—влѣзше въ мою темницу, по благословенію протопопову тѣ книжицы и выписки мои похитиша и ему продаша. И онъ изъ тѣхъ книжицъ моихъ листка съ три токмо выдралъ лукавно и тѣ листки послалъ на Русь къ братіямъ нашимъ, перепортя писаніе мое, еже бы мене обвиняли, а его бы ученіе оправдали. Азъ бо ему тогда велѣлъ тѣ книжицы всѣ, не портя, послать къ вѣрнымъ: и онъ тако не восхотѣлъ по правдѣ Божіей сотворити... И посемъ заковали окно мое рѣшеткою: и пужно ми бысть въ то время и горько зѣло» (VI, 132—3). Послѣ того прошло не мало времени, прежде чѣмъ снова взялся за перо Феодоръ. Въ сокращенномъ видѣ, хотя вполне обстоятельно, онъ воспроизвелъ содержаніе прежнихъ своихъ тетрадей и отправилъ посланіе въ Москву къ сыну Максиму и прочимъ братіямъ. Это было уже не ранѣе 1678—9 года. Между тѣмъ появились новыя писанія Аввакума и въ многочисленныхъ спискахъ ходили по рукамъ раскольниковъ. Одно изъ нихъ было послано Аввакумомъ соловецкому выходцу діакону Игнатію и нѣсколько къ игумену

Сергію. «Себе же самого и Сергія вообразилъ въ тѣхъ письмахъ въ лицахъ». И подпись поставилъ: «прими, Сергій, вѣчное сіе евангеліе, не мною, но перстомъ Божіимъ писано» (VIII, 239).

II.

Аввакумъ и діаконъ Θεодоръ въ ихъ догматическихъ письмахъ. — Ихъ споры о св. Троицѣ, о воплощеніи Бога Слова, о сошествіи Христа во адъ, о сошествіи Св. Духа на апостоловъ, объ ангелахъ, о дуніи и по другимъ вопросамъ.

Что же читали раскольники въ подлинныхъ посланіяхъ Аввакума и Θεодора, въ тѣхъ посланіяхъ, въ которыхъ расколоучители оправдывались предъ своими послѣдователями въ противленіи другъ другу?

Изложеніе ученія о Святой Троицѣ встрѣчается у Аввакума въ нѣсколькихъ его писаніяхъ. Въ однихъ онъ является вполне православнымъ, въ другихъ прямо еретикомъ. Такъ, въ толкованіи на книгу пророка Исаи это ученіе изложено у него даже въ символическихъ выраженіяхъ. «Славимъ Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущую и нераздѣльную, сопредельную... Исповѣдуемъ единицу несліянную, существо и божество, власть и царство едино, въ трехъ собствѣхъ, Отца не рожденна, Сына рожденна и Духа Святаго исходяща, — подобіе: Бога Отца, Бога Сына, Бога Духа Святаго, не три бози, но единъ Богъ, — равнѣ: вседержителя Отца, вседержителя Сына, вседержителя Духа Святаго, не три вседержители, но единъ вседержитель, — непостижимъ Отецъ, непостижимъ и Сынъ, не постижимъ и Духъ Святой. вѣченъ Отецъ, вѣченъ и Сынъ, вѣченъ и Духъ Святой, не три вѣчнѣ, но единъ вѣчный, не три непостижимѣ, но единъ непостижимый. Яковъ Отецъ, таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святой. И въ сей Троицѣ ничтоже первое или послѣднее, ничтоже болѣе или менѣе, но цѣлы три составы и соприносущны суть себѣ и равны... Отмещемъ Савелліево сліяніе, еще же проклинаемъ и Аріево разсѣченіе, но вѣруемъ и исповѣдуемъ, якоже намъ богословцы предаша и научиша»¹⁾. Такимъ образомъ высотъ предмета здѣсь отвѣчала и высота выраженій. Совсѣмъ иное видимъ въ посланіи къ діакону Игнатію. «Зри, Игнатій соловьянинъ, и вѣруй трисущую Троицу. Существо едино на

¹⁾ Ркп. Публ. библ. О. I. № 339, л. 206—7; ср. V, 345—6.

трое равно раздѣляй: на трое течеть источникъ божества. По Арію не рцы—три существа не равныя, а равныя три существа добръ или естества. Не шевели больше того. Несѣкомую сѣки, небось, по равенству едино на три существа или естества. Якоже бо слово отъ души рождается и паки въ челоуѣка не возвращается, тако и Сынъ отъ Отца родися и во чрево Отчее паки не возвратися. Якоже Спасъ рече: Азъ во Отцѣ и Отець во Мнѣ,—волею, а не существо въ существѣ. Три цари небесныя, три непостыжимыя. Комуждо особно сѣдѣніе: Отцу и Сыну и Святому Духу. Не спрятався сѣдять три цари небесныя: яко Петръ и Павель и Іоаннъ Богословъ, трое разстоящи, тому прилично и божественное трое раздѣльшееся». Такъ мудрствовалъ Аввакумъ. Можетъ быть съ понятіемъ о «существовѣ» онъ соединялъ представленіе о «лицѣ». По крайней мѣрѣ далѣе онъ упрекаетъ Θεодора: «Федька! По твоему кучею надобѣ, едино лицо»¹⁾. Во всякомъ случаѣ образныя выраженія, къ какимъ прибѣгъ здѣсь Аввакумъ, вовлекли его въ бездну хулы на Святую Троицу. Впрочемъ, началъ не Аввакумъ, а попь Лазарь. Въ данномъ пунктѣ православнаго богословія Лазарь не шелъ дальше челоуѣкообразнаго представленія. Съ нимъ и споры начались у діакона Θεодора. Препираясь съ Θεодоромъ, Лазарь вопилъ: «Троица рядкомъ сидить: Сынъ одесную, а Духъ Святый опуюю Отца, на небеси на разныхъ престолахъ, — яко царь съ дѣтьми сѣдитъ Богъ Отець, а Христось на четвертомъ престолѣ особномъ сѣдитъ предъ Отцемъ небеснымъ» (VI, 107—8). Это толкованіе, какъ свидѣтельствуеть діаконъ Θεодоръ, перенялъ у Лазаря и Аввакумъ и по всему видно, что это были два одинаково невѣжественныя въ богословіи буюслова. Выраженіе Цвѣтной Тріоди іоасафовскаго изданія: «поклоняемся Троицѣ трисущнѣй единой» было достаточно для того, чтобы Аввакумъ утвердился въ ученіи о трисущной Троицѣ, хотя должнымъ образомъ, очевидно, не понималъ его. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ представить сѣдѣніе Сына одесную Отца иначе, какъ въ отличіи отъ второго Лица Святой Троицы, мыслимаго до или нага воплощенія. Отсюда онъ сталъ «четверить» Троицу (VI, 108) и учить о сѣдѣніи Христа на «особомъ четвертомъ престолѣ» (VI, 121). Иначе, казалось Аввакуму, сказано было бы, что Христось по вознесеніи на небо сѣлъ

¹⁾ Ркн. черниг. сем. № 135, ст. 1--2, 4--6, 10.

«во Отца, а не одесную Отца (—107), да и сѣдѣніе это представлялось Аввакуму человѣкообразнымъ. Полемизируя съ Θεодоромъ, Аввакумъ писалъ: «не скрываете, еретики, и Христа того, въ Троицу мѣсяце недовѣдомѣ... Сѣдять на особомъ престолѣ равно Святѣй Троицѣ сцарствуя. Сѣдять Богъ и человѣкъ одесную Бога на престолѣ Своемъ царскомъ. Да и ладно такъ, дитятко бѣшеное: не замай Ею на престолѣ томъ Своемъ сѣдять, не пехай поганымъ своимъ языкомъ съ престола того царскаго къ погамъ Отца. Помнишь ли, собака, лаешь: существо-де Божества внутрь Отца, а смотрѣніе подлѣ ногъ Отца, близъ сѣдять. Такъ-то ты говорилъ, громобитный врагъ»¹⁾. Что же однако показываютъ подлинныя писанія Θεодора? Они показываютъ, что Θεодоръ въ разсужденіи о догматическихъ вопросахъ былъ не чета Лазарю и Аввакуму. Онъ зналъ Писаніе твердо, мыслилъ православно и писалъ по догматическимъ вопросамъ съ примѣчательною точностію. «Азъ исповѣдую Святую Троицу единопредстольную, и единосущную, и нераздѣльную, три лица во единомъ Божествѣ и едино Божество въ трехъ ипостасѣхъ совокупленно, единъ трисіянень образъ, другъ въ другѣ вмѣщеніе имуть кромѣ всякаго размѣшенія и сліянія, по Богослову Григорьеву словеси, и не прелагаются другъ въ друга, но каждое свое собство и свойство имать, Отець и Сынъ и Духъ Святый» (VI, 97). «Якоже сниде Сынъ Божій съ небесъ нагъ на землю, не истоци Тройческаго числа, тако и по воскресеніи възде съ воспріятіемъ человѣчества, не приложи къ Тройческому числу, но присно Троица Троицею пребываетъ, и по воплощеніи Христось Сынъ Божій въ Троицѣ славится отъ всея твари, а не въ четверицѣ, — никакоже, понеже единъ есть Сынъ, единосущный Отцу, и Духъ Святый, и въ неописанныхъ иѣдрѣхъ Отчихъ выну сѣдять, со Отцемъ и Духомъ купно, а не на четвертомъ престолѣ» (VI, 98). «Вѣмы о Сынѣ Божіемъ Исусѣ Христѣ, и вѣруемъ, яко есть одесную Отца сѣдять по Писанію, по пріятію плоти; а како сѣдять? Никто же вѣсть, — не почеловѣчески бо, никакоже, — и сами ангельстїи чипове не могутъ разумѣти и сказати о томъ не постижимомъ таинствѣ» (VI, 108).

Заблужденіе въ ученіи о Святой Троицѣ не было единственнымъ заблужденіемъ Аввакума. Такъ, между прочимъ,

¹⁾ Тамъ же, ст. 14.

онъ не избѣжалъ неправильнаго пониманія ученія о воплощеніи Бога Слова. «Исповѣдую, писалъ Аввакумъ, всюду промыслъ Божій, всюду Божія сила, одержить неизреченно, всюду видѣть и слышитъ всевидящее око. А свойство блаженнаго существа въ вышнихъ пребываетъ, во свѣтѣ живой поприступимъ, на землю и подъ землю непоступно»¹⁾. По этому ученію о Божіемъ вездѣприсутствіи Богъ вездѣприсущъ, очевидно, только дѣйствіями Своего всевѣдѣнія и всемогущества, а не самымъ существомъ. Это неправильно, потому что опредѣляетъ Бога мѣстомъ и отдѣляетъ дѣйствія Бога отъ Его существа. Между тѣмъ въ связь съ такимъ ученіемъ Аввакумъ ставилъ раскрытіе ученія о воплощеніи. Если существо Божіе «непоступно» на землю, то какъ же сходилъ на землю Христосъ? Аввакумъ мудрствовалъ, что Христосъ шель въ утробу Дѣвы не существомъ, а благодатию. Въ письмахъ къ Сергію онъ самъ говорилъ объ этомъ. «Худой еретическа Оедька глаголетъ самымъ существомъ воплотившагося Бога Слова. Азь же исповѣдую и вѣрую свойство недвижимо, но изливъ Себе Богъ Слово въ утробу Дѣвыя силу существа естественную.... А самое существо отнюдь, отнюдь непоступно. Отча нѣдра не оставилъ существомъ, сошедъ на землю силою благодати несказанно. Якоже солнце лучи своя на землю ниспущаетъ, а самый кругъ огня выспрь при тверди: тако и о Бозѣ подобаетъ разумѣвати». Ученіе о вездѣприсутствіи Божіемъ существомъ казалось Аввакуму страннымъ и хульнымъ. «Да ты же еще мудрствуешь нѣкакo дико, — обращается онъ къ Θεодору, — и сѣчешь единороднаго Сына на четыре ипостаси: охъ, яко беззаконный Іуда не восхотѣ разумѣти! Глаголешь бо, окаянный, пиша въ тетрадкахъ: самымъ-де существомъ Сынъ Слово на землю сниде во чрево Дѣвыя. И егда пострада, во гробѣ съ плотію Божество существомъ бѣ; во адѣ Божество съ душею нагою безъ плоти существомъ бѣ; въ то-де время и въ ранъ съ разбойникомъ Божество существомъ бѣ; и на престолѣ со Отцомъ существомъ же. И о семь твоимъ изумленіи безуміи играютъ, а разумніи рыдаютъ. И какъ такъ недвижимое блаженное существо Божіе разсѣтъ на четверо, не разумѣя Писанія, ни силы его, надувая свое чрево и вѣжди гнилымъ умомъ, изливашь вою по воздуху, нехотя о недовѣдомѣмъ воспроситися со старцы, и гордяся, вѣдешь по своей дорогѣ! Богъ бо не

¹⁾ Тамъ же, ст. 7.

преложи существа Своего сниде на землю, вочеловѣчися за мірскій животъ и спасеніе, неотлучнымъ божествомъ существа Своего отъ нѣдръ Отчихъ схожденіемъ совершивъ тайву, сирѣчь благодати сила изліяся, якоже Онъ вѣсть. А самое существо ипостаси не истощися и пребысть нераздѣльно и отъ Отца существомъ неотлучно. Соступивъ съ небеси силою благодсти Своея къ намъ весь въ чистую Дѣву: тверди весь благодстію, а существомъ весь горѣ со Отцемъ бѣ несѣкомо»¹⁾. Не смотря на то, что въ этомъ ученіи заключалась ересь и хула на Сына Божія, оно было принято слѣпымъ стадомъ слѣпого пастыря. Въ Пустозерскъ полетѣли упреки діакону Феодору и осужденіе. «Не буди намъ, Феодоръ Ивановичъ, — вопіяли раскольники, — и помыслити по твоему, еже самое существо во Христѣ вѣровати (VI, 101). Аще бы самое существо сошло въ Дѣву ту, Христову мать, такъ бы и сожгло ея чрево то» (— 114). Съ глубокимъ чувствомъ горечи и сожалѣнія писалъ отвѣтъ діаконъ Феодоръ. «Вострепещите, братія, всѣми уди своими и возрыдайте о своемъ преткновеніи, и исповѣдите въ Немъ, Ісусъ Христѣ, свѣтѣ истинномъ, самое существо и Божество тоже, еже и во Отцѣ Его и во Святѣмъ Дусѣ, и припадите къ ногамъ Его съ теплыми слезами и просите у Него, Творца своего и Спаса, прощеніе о томъ невѣдѣніи своемъ и пререканіи (— 116). Вѣмъ азъ, которые люди во Христѣ самого существа не исповѣдуютъ, тѣ люди люте осуждены будутъ съ еретицы, аще не исправятся и не покаются, якоже подобаетъ. И ты, чадо Максиме, аще знаешь таковыхъ, моли ихъ, дабы престаили отъ таковаго злаго начинанія. И азъ молю ихъ со всецѣмъ усердіемъ, и полагаю главу свою на позѣ ихъ, и со слезами вопію имъ: о, возлюбленніи отцы и братія, христоименитое достоиніе, роде избранный, царское священіе, люди обновленія! упразднитеся и разумѣйте, яко есть самое существо Божества во Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, изтрезвитесь праведно и не согрѣшайте, и не имите вѣры прельщающимъ васъ о томъ и смущающимъ. Аще и ангель будетъ кто, отвращайте его и плюйте на него. Аще бы мощно было мнѣ, юзнику Феодору, азъ бы взопелъ на высоту Фроловской баптии посреди Москвы и вотрубилъ велегласно трубою во все царство, яко есть, есть, есть пресамое существо Божества во Христѣ Ісусѣ

¹⁾ Тамъ же, ст. 12.

Сынъ Божій. Не прельщайтесь, братія, и не отмѣтайтесь Его, Создателя всѣхъ, да не умрете вѣчною смертію безконечною. Азъ бо въ никоніанѣхъ не слыхалъ таковаго зломудрія отнюдь». Показывая, что обличаемое мудрованіе есть ересь, Θεодоръ продолжалъ: «по вашему новому мудрованію два Сына будутъ, по Несторію зловѣрному, еже глаголете въ трехъ лицѣхъ Святыя Троицы самое существо, во Отцѣ и Сынѣ и Святомъ Дусѣ, а во Христѣ не самое существо глаголете. И сіе ваше зловѣріе и дуракъ узнаеть, яко два Сына исповѣдуете, — великаго да малаго и тако четверицу славите, а не Троицу Святую. И сего ради паки и паки молю вы: покиньте то злое и дупнепагубное мудрованіе, сго же нѣсть, нѣсть во всѣхъ нашихъ древнихъ православныхъ книгахъ... И въ новыхъ явно нѣсть того» (VI, 134—6). Свое исповѣданіе Θεодоръ изложилъ въ слѣдующихъ точныхъ выраженіяхъ. «Единъ отъ Троицы, Сынъ Божій сошелъ съ небесъ на землю самымъ существомъ неописаннымъ и весь невмѣстимый вмѣстися во чрево Пресвятыя Дѣвы Маріи, всего челоуѣка воспримъ на Ся. и родися отъ нея сугубъ Христось, весь Богъ и весь челоуѣкъ, и со Отцемъ на небеси весь пребысть неотлучно, въ то время и всегда» (V, 97; ср. 103). Аввакуму казалось, что если бы Сынъ Божій сошелъ въ утробу Дѣвы божественнымъ существомъ, то уже не былъ бы на небеси съ Отцемъ, — совершилось бы «разсѣченіе», ибо существо Троицы «не сѣкомо», по Аввакуму, хотя и раздѣляется «на троѣ по равенству». Поэтому Θεодоръ разъяснялъ, что хотя на землѣ былъ Ипостасію Своєю Сынъ Божій, но божественнымъ Своимъ существомъ не былъ отлученъ отъ Отца на небесахъ. «Якоже луча отъ солнца, тако и Сынъ Слово сниде не отлучься Отца... понеже равносилень Отцу и единосущень. И сего ради Писаніе глаголетъ о Сылѣ Божіи Словѣ, Исусѣ Христѣ: «Отча нѣдра не оставль, сошедъ на землю Христе Боже» (VI, — 104)¹⁾. Такъ основательно отвѣтилъ Θεодоръ. Приэтомъ онъ пояснялъ и относительно вездѣприсутствія Божія, что «не обьмается мѣстомъ Богъ, но вездѣ сый Отець, вездѣ сый Сынъ, вездѣ сый и Духъ Святыи» (— 102) и именно существомъ (— 109). Впрочемъ, по словамъ Аввакума, споръ у него съ Θεодоромъ не ограничился изложеннымъ. «Много гадятъ уста тѣ», — писалъ о Θεодорѣ Аввакумъ въ своихъ бесѣдахъ. «О зачатіи

¹⁾ Ирмосы 7 гласа, нѣспъ 4.

Христовъ глаголетъ: ухомъ-де Христось видне въ Дѣву и неизреченно бокомъ изиде» (V, 349). Трудно сказать, насколько достовѣрно это извѣстіе. Самъ Θεодоръ объ этомъ пунктѣ въ частности не упоминаетъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не указать того, что счелъ нужнымъ написать самъ Аввакумъ по этому предмету. «Мы о зачатіи Бога Слова по Писанію вѣруемъ сице: пророку Іезекилю показана на востоцѣ дверь заключена, еуже дверію никтоже пройде, токмо единъ Богъ, и паки запечатлѣнну остави ¹⁾... И въ канонѣ акакиста Богородицѣ 8 пѣсни стихъ: ложесны Слово пріяла еси, и Иже вся носящаго понесла еси, и млекоу питала еси. Видждь, слышателью, въ зачатіи Богъ Слово дверію естественною видне, сирѣчь ложесны, а не ухомъ слуха, и приимъ кровь отъ пречистыхъ кровей ея, девятотѣсячно изиде тѣми же дверьми неизреченно, а не бокомъ» (V, 349—50). Было бы разумнѣе, если бы Аввакумъ сказалъ, что не подобаетъ входить въ подробности тамъ, гдѣ удобнѣе молчаніе.

Изъ той же мысли о «непоступности» Божескаго существа вытекало у Аввакума неправильное ученіе о сошествіи Святаго Духа на апостоловъ. Діаконъ Θεодоръ училъ правильно. «Духъ Святой, — писалъ онъ, — самъ сице существовавши на апостолы, точию въ нихъ вселися не существомъ, но благодатию даровъ, и не существомъ является человекомъ, но схожденіемъ преобразуется по вмѣстному виду», почему и на апостоловъ сошелъ въ видѣ огненныхъ языковъ (VI, 109). Между тѣмъ Аввакумъ проповѣдывалъ, что въ день Пятидесятницы Духъ Святой сходилъ не существомъ, а только благодатию. «На апостолы, — писалъ Аввакумъ, — изліяся огненными языки совершенная благодать Духа Святаго. А самое существо Параклитово отнюдь, отнюдь свойство недвижимо пребываетъ. И въ церковныхъ книгахъ нѣсть сего разума, еже бы самому существу поступити. И статное ли то дѣло — существомъ Духу Святому снити, и раздавши дары паки горѣ взити! Самый ребяческій размысль» ²⁾. Изъ Москвы было получено въ Пустозерскѣ посланіе, которое «толковало» точно также. «Да и толкуетъ нѣкто слѣпой бѣдной буселовъ, — говорилъ объ этомъ посланіи діаконъ Θεодоръ: Богъ-де Духъ не посылается съ неба никуды, по благодать и сила отъ Духа

¹⁾ Іез XLIV, 1—3.

²⁾ Ркп. черниг. сем. № 135, ст. 15.

посылается. Да Максима Грека слова тутъ приводить, не смысла и не зная въ нихъ сущаго разума» (VI, 101). Аввакумъ подхватилъ это писаніе «себѣ въ оправданіе» и въ спорѣ съ Θεодоромъ кричалъ, что «языки на главахъ апостольскихъ — не Духа Святаго сѣдѣніе, но благодать пришедшая изъ апостоловъ сквозь тѣмья: не вмѣстилася-де въ нихъ вся да и на главы вышла» (VI, 120). Трудно сказать, отъ чего зависѣла смѣлость ссылки Аввакума на церковныя книги, которыя ясно показывали противъ него. Во всякомъ случаѣ діаконъ Θεодоръ былъ правъ въ сужденіяхъ о своихъ противникахъ. «Они, писалъ онъ, — чають лежача или сѣдѣща Духа Святаго на небеси во единомъ мѣстѣ, и не подвизающася и не поступающа съ мѣста своего никуды никогда (— 111). Како же древле подвигся и поступи Духъ Святъ и прииде къ Аврааму со Отцемъ и Сыномъ? Како же паки подвигся Духъ Святъ и сниде на Иорданъ, внегда крестился Господь, Сынъ Божій, Ісусъ Христосъ? Или не вѣдалъ такого вашего мудрованія, хотящаго быти и преступилъ тогда, ходя съ небесъ на землю» (— 112)?

Въ то время, какъ происходили споры по названнымъ вопросамъ, возникъ еще споръ о *сошествіи Христа въ адъ* И опять діаконъ Θεодоръ училъ вполне православно, а Аввакумъ впалъ въ заблужденіе. На этотъ разъ противъ Аввакума былъ и попъ Лазарь. «А во адъ схождение Христово съ плотію по возстаніи отъ гроба исповѣдуетъ Аввакумъ, — свидѣтельствовалъ діаконъ Θεодоръ, — и возстаніе Христово отъ гроба не называетъ воскресеніемъ, но возстаніемъ токмо, а воскресъ-де какъ изъ ада вышелъ» (VI 96—7). Такъ дѣйствительно и училъ Аввакумъ. «Прежде изъ гроба возстаніе, — писалъ онъ, — а потомъ во адъ сошествіе. Понеже Господня душа, просто молить, не была во адѣ, якоже прочихъ святыхъ души, но Христосъ послалъ ее къ Отцу съ кровію Своею, насъ выкупающа, а не во адъ отъ креста поиде. Пречистой души во адъ сошедши съ тѣломъ неистлѣннымъ во гробѣ лежащимъ, а не безъ души тѣло бысть во адѣ и душа безъ плоти. Каковъ родился, таковъ обоженною душею и плотію во адѣ былъ. А еже глаголете, яко не бысть Христосъ по возстаніи изъ гроба тѣломъ и душею во адѣ, но единою-де душею ада плѣни, а тѣло-де въ то время мертво во гробѣ лежа: пощади, Сынъ Божій, отъ сего безумія и нечлѣпаго мудрованія! Проклятъ тако мудрствуя! Въ третій день возста Сынъ Божій, сниде тѣломъ и душею во адова

жилица: ну, такъ человѣкъ Христосъ и былъ во адѣ, а не душа безъ тѣла, — не плутай. Пресвятая душа во адъ сошедши вода тѣло нетлѣнное во гробѣ Избавителя нашего — свѣта... А Ѳедька прелagатай съ единомысленники проклягъ да есть, ей да будетъ и будетъ во вѣкъ. Собака, б...нѣ сынъ адовъ песъ! Вотъ тебѣ, отступникъ, пѣсни пѣснямъ Соломоновы: играй подѣ клятвою вѣчною! Да затворить ты Богъ въ противленіе истинѣ, погибай съ своими окаанный! Ѳедька, поганецъ, слушай: умучи ада, сошедъ во адъ плотію, горе бысть аду отъ плоти, пресѣкло тѣло Христово чрево адово. «Слава Богу! подите бѣдныя тюремники изъ тюрьмы вонъ, Богъ простилъ Адама со адамленки», — да и выпелъ со святыми изъ земли Христосъ и со всѣми бѣдными горемыками воскресимъ, по апостолу, вотъ, въ третій день, по Писаніяхъ, явился апостоломъ»¹⁾. Такъ писалъ Аввакумъ. Что же читали раскольники въ посланіи Ѳеодора? «А на крестѣ Христосъ страда плотію, и умре, и со креста сниде въ адъ съ раздѣльшеюся душою смертію отъ тѣлеси самъ Богъ — Слово Своимъ лицомъ, безъ плоти; а съ плотію положися во гробѣ бездушень, самъ же Богъ — Слово; и отъ души Его пречистыя въ адѣ и отъ плоти во гробѣ неотлучно бысть божественное Его существо всесильное отнюдь. А еже «возста» и «воскресе» Христосъ отъ гроба — единъ то глаголь. И по возстаніи, послѣ воскресенія Своего отъ мертвыхъ, не ходилъ уже Христосъ во адъ, но всеродна Адама кунио и вся воскреси съ Собою, по Писанію» (VI, 98). Такъ выразилъ свое «исповѣданіе» діаконъ Ѳеодоръ. Но онъ привелъ и доказательства въ свое оправданіе. «А о сошествіи во адъ, о воскресеніи Христовѣ, — писалъ Ѳеодоръ, — много научаетъ Евангеліе Христово и Петръ апостоль въ Дѣяніи, паче же святой Дамаскинъ Іоанигъ во Октаѣ, во всѣхъ осми гласахъ, по вся воскресныя дни, въ стихѣрахъ и канонѣхъ, яко во адѣ бысть Христосъ до воскресенія Своего съ душою единою три дни и три ноци, по словеси Своему, якоже Іона въ китѣ, и во гробѣ съ плотію только же лежа, погребенъ бѣ; а не послѣ возстанія отъ гроба сходилъ съ плотію, — никакоже» (VI, 106). Провѣряя эти указанія діакона Ѳеодора, раскольники могли видѣть, что онъ вѣруеть согласно съ Писаніемъ²⁾. Но столь же легко было

¹⁾ Ркп. черниг. сем. № 135, ст. 13.

²⁾ Дѣян. II, 27 — 31. Октаѣ, гл. 4, канонъ въ нед. на утр. пѣсь 4: «Обоженная Твоя, Спасе, душа адова сокровища плѣвивши»...

видѣть и неправомысліе Аввакума. Оно вытекало изъ неправильнаго пониманія нѣкоторыхъ выраженій въ церковноблужденныхъ книгахъ. Это видно изъ «бесѣдъ» Аввакума. Здѣсь Аввакумъ подробно доказывалъ, что сошествіе Христа во адъ было «обоженнымъ тѣломъ и душою» по возстаніи изъ гроба. «Чти, благочестію поборниче, слова Іоанна Златоустаго на святую Пасху, — отъ алтаря священникъ чтеть сиче: «свободи насъ Спасова смерть, угаси бо ея Иже отъ нея держимый, умучи ада сошедый во адъ, горе бысть ему вкусившему плоть Его», — «а не нагую душу», поясняетъ Аввакумъ. «И се предваривъ Исаія возопи: адъ, рече, огорчися срѣтъ тя долѣ... пріять тѣло, и Богу приразися; пріять землю и срѣте небо... Виждь, слышателью: пріять тѣло, пріять землю, а не нагую душу безъ тѣла. «Гдѣ ти, смерти, жало? Гдѣ ти, аде, побѣда? Воста Христось и низложися адъ; воста Христось, и падоша бѣсове. «Виждь: воста Христось отъ гроба, и потомъ низложися адъ и падоша бѣсове, — по возстаніи изъ гроба разореніе аду бысть и праведныхъ изведеніе, и потомъ явися Христось женамъ и ученикамъ. «Воскресе Христось»... (V, 347—8)... Такимъ образомъ, какъ видно отсюда, Аввакумъ основывался на непониманіи такихъ выраженій, которыя совсѣмъ не имѣютъ цѣлю опредѣлять ученіе церкви о сошествіи Христа во адъ. Такъ, выраженіе «горе бысть аду, вкусившему плоть» Христа — указываетъ лишь на смерть Христа; выраженіе «пріять тѣло» нельзя понимать буквально точно такъ же, какъ и выраженіе «пріять землю», и указываетъ оно лишь на то, что адъ хотѣлъ поглотить тѣло Праведника, не видя Божества; наконецъ выраженіе «воста Христось, и низложися адъ» указываетъ не на моментное отношеніе этихъ двухъ актовъ, а на причинное, такъ какъ воскресеніе Христа было вѣнцомъ побѣды Христа надъ адомъ. Столь же неудачна ссылка Аввакума на Большой Соборникъ, гдѣ въ словѣ Іоанна Дамаскина на иконоборцевъ говорится, что во Христѣ плоть отъ Божества «никогда же разлучишася, ниже во утробѣ Матерни, ниже въ крещеніи, ниже на крестѣ, ниже во адѣ». «Виждь, слышателью, — вѣриши ли Дамаскину? — неразлучна плоть съ Божествомъ на крестѣ и во адѣ»: замѣчалъ Аввакумъ (V, 348). Но рѣчь у него и діакона Θεодора была не объ этомъ, — Божествомъ Христось вездѣсущъ: рѣчь была о томъ, чѣмъ или какъ Христось сходилъ во адъ, душою ли и тѣломъ, или тѣло лежало во гробѣ? Подобнымъ образомъ богословствоваль

Аввакумъ и по поводу одного выраженія, найденнаго раскольниками у Іосифа Волоцкаго — что душа Христа «сведена была во адъ смертис и діаволомъ» ¹⁾. «На что — петь, — писалъ Аввакумъ Сергію, — Іосифъ Волоцкій съ Писаніемъ ратуется? Неладно онъ о сошествіи пишетъ во адъ, бытто смерть и діаволь снесли душу Христову во адъ. А пророцы и бословцы вси не такъ, но глаголють со славою во адъ бысть походъ. Помнишь, въ словѣ Епифаніевѣ пишетъ: предшествуютъ же Ему архангели Михаилъ и Гавріиль и прочія силы ангельскія, глаголюще: возмите врата, князи, ваша и прочая... Статное ли дѣлю, душу Божію діаволамъ обладати? Смерть и тѣломъ не обладала, нежели душею. Самъ Господь насъ научаетъ, — рече: никтоже душу Мою возметъ отъ Мене, но Самъ полагаю ю о Себѣ: область имамъ положить ю и паки область имамъ пріяти ю. Да умирая рече: Отче, въ руцѣ Твои предаю Духъ Мой, — а не къ дьяволамъ во адъ. Во адъ со славою иде, возставъ отъ гроба тѣломъ и душею, божески» (VIII, 107. 112). Очевидно, богословствованіе Аввакума было неглубокое: ссылался онъ на Писаніе и на немъ опирался, но толковалъ Писаніе криво ²⁾.

По словамъ діакона Θεодора, онъ долженъ былъ обличать своихъ союзниковъ еще за ихъ неправильное ученіе *объ ангелахъ*. Споръ былъ вызванъ попомъ Лазаремъ. «У ангеловъ онъ, Лазарь, глаголаше власы быти, и торочки на главахъ и зеркала въ рукахъ и крыла унихъ». Діаконъ Θεодоръ доказывалъ, что ангелы по природѣ своей суть духи безплотные. «Авъ же ему глаголахъ преко, — сообщалъ послѣ Θεодоръ, — яко ангели вси не имѣютъ на себѣ ничего плотскаго, ни власовъ, ни криль, ни главъ, ни рукъ человѣческихъ, зане души суть. А пишутся они по плотскому виду того ради, понеже инако какъ невозможно написать ангела... И то они, батьки — Лазарь и Аввакумъ, поставили въ хулу мнѣ, по рвенію... не постави имъ, Господи, въ грѣхъ сего» (VI, 118). По сообщенію Аввакума, не согласенъ былъ онъ съ Θεодоромъ и въ ученіи *о души*. Изъ словъ Аввакума видно, что и здѣсь онъ не былъ правъ. «И о душѣ слѣпотою говоришь, — слушать нечего: глаголешь бо ея трисоставну. Не тако... вси

¹⁾ Просвѣтитель, сл. 4, по изд. 2, стр. 91.

²⁾ Не даромъ Симеонъ Полоцкій послѣ горячаго спора съ Аввакумомъ сказалъ о немъ: «острота, острота тѣлеснаго ума! да лихо упрямство! А се не умѣетъ науки» (V, 118).

святіи научають, яко душа единорасменна и тѣлесовидна... Ангель нѣкій, чистѣйшій духъ, но и плотна есть» ¹⁾. Такъ упрекалъ Аввакумъ діакона Θεодора! А между тѣмъ отцы церкви дѣйствительно называютъ душу «трисоставной» — по способностямъ души ²⁾, но никто изъ нихъ не говоритъ, что душа не безплотна...

Діаконъ Θεодоръ упоминаетъ еще о двухъ пунктахъ разногласія, относительно которыхъ ему приходилось препираться съ Аввакумомъ и Лазаремъ. Одинъ изъ нихъ касался *времени пресуществленія св. даровъ* на литургіи. Аввакумъ и Лазарь мудрствовали, что хлѣбъ и вино пресуществляются въ тѣло и кровь Христовы на проскомидіи ³⁾. Діаконъ Θεодоръ опровергалъ эту «неправду». «Исповѣдую со всѣми церковными учителями, — писалъ онъ, — яко прелагаются тѣ предложенные дары, хлѣбъ и вино, въ тѣло и кровь Христову Христовыми оними словесы, еже на тайной вечери рече: *примите и ядите, се есть тѣло мое* (VI, 128). Такимъ образомъ Θεодоръ справедливо обличалъ Аввакума и Лазаря, но и самъ ошибался. Защищаемое имъ ученіе также не принято православною церковію и есть ученіе церкви латинской ⁴⁾. Прямой упрекъ Аввакуму и Лазарю за уклоненіе въ латинское зломудріе читаемъ у Θεодора, когда онъ трактуетъ объ «основаніи церкви». Θεодоръ имѣлъ право сдѣлать это слѣдуя указанію старопечатныхъ книгъ ⁵⁾. «Основаніе церкви на Петръ апостолѣ глаголють, а не на Христѣ самомъ» — писалъ Θεодоръ о Лазарѣ и Аввакумѣ (VI, 97) ⁶⁾. А о себѣ самомъ добавлялъ (—130): «основаніе церкви на Христѣ самомъ, краеугольномъ камени, вѣрую и исповѣдую, а не на Петрѣ апостолѣ, — никакоже: римское то зломудріе отметаю... Зане глава церкви и основаніе — Христось, а не Петръ, ни инъ кто отъ святыхъ всѣхъ. Аще и называются святій кои основаніемъ церкви, но по Христѣ». Въ доказательство этого ученія Θεодоръ указывалъ и тексты: Дѣян. IV, 11—12; 1 Кор. III, 11.

¹⁾ Ркп. черниг. сем. № 135, ст. 16.

²⁾ Напр 2 слово на Св. Пасху Григорія Богослова. Сборникъ. л. 641.

³⁾ Такъ же умствовалъ пошъ Никита (IV, 11—13. 50—59) и повидному соловедію челобитчики (III, 270).

⁴⁾ Хотя въ то время, когда происходили данные споры, колебанія въ сторону этого ученія замѣчались даже въ православныхъ полемическихкихъ сочиненіяхъ противъ раскола. Жезлъ, ч. I, воз. 13.

⁵⁾ Книга о вѣрѣ, гл. 7 и 8.

⁶⁾ Ср. въ Аввакумовскихъ посланіи къ неизвѣстному и въ «книгѣ на престоборную ересь» (V, 219. 281).

III.

Исходъ распри. — Молва объ Аввакумѣ, какъ еретикѣ. — Волненія на Керженцѣ по смерти Аввакума: сходка 1693 года, онуфріане.

Таково содержаніе «спорныхъ» сочиненій Аввакума и Теодора. Читая ихъ, раскольники не могли не видѣть, что ученіе Аввакума не согласно съ Писаніемъ и по своей буквѣ сходно съ ученіемъ еретиковъ. Разумѣется, догматствованіе кичливаго протопопа было скорѣе «дурацкимъ», чѣмъ «отъ ума» (ср. VI, 133); оно обуславливалось не стремленіемъ проникнуть въ недосыгаемую глубь Писанія и протолковать непостижимые догматы по началамъ разума; его источникъ заключался въ невѣжественномъ непониманіи только нѣкоторыхъ выраженій Писанія и въ неумѣніи о предметахъ вѣры мыслить отвлеченно и говорить текстомъ Писанія. Тѣмъ не менѣе неправомысліе Аввакума теперь было на лицо и не могло не вызвать протеста. Успѣхъ его писемъ обуславливался слѣпымъ довѣріемъ къ его авторитету со стороны его учениковъ и еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Теодоръ долго не могъ дать обстоятельнаго отвѣта. А когда этотъ отвѣтъ былъ данъ, тогда дѣло разъяснилось: защитники Теодора могли дѣйствовать смѣло, даже имѣли въ посланіи Теодора и руководство къ тому, чтобы въ подробности и отъ Писанія разсмотрѣть спорные вопросы. Путь къ отысканію истинъ здѣсь указанъ былъ вполне вѣрный и безошибочный. «И ты, чадо мое животное Максиме, — писалъ Теодоръ своему сыну о сторонникахъ догматствованія Аввакума, — аще знаеши тѣхъ мянущихся быти учителей, наставниковъ погибели, во тѣмъ невѣдѣніи шатающихся, вели имъ прочести трезвымъ умомъ и чистою совѣстію четыре Христова Евангелія, изряднѣе же сына громава богословіе, и прочихъ стятыхъ апостоль проповѣдь вселенскую, и святыхъ седми соборовъ и девяти помѣстныхъ дѣянія и правила ихъ пройти, къ симъ же святыя учительныя слова прочести съ разумомъ и со извѣстнымъ испытаніемъ, да къ тому же и вся службы на господскіе дванадесятые праздники просмотрѣти, стихиры, славники и ирмосы, и каноны, богомудрыхъ творцовъ гранесія, да научатся отъ тѣхъ всѣхъ» (VI, 101). Сравнивая такія наставленія Теодора съ письмами Аввакума, легко видѣть все превосходство ихъ предъ послѣдними. Легкомысліе

въ рѣчи Аввакума просто поражаетъ читателя. «Оедька, а Оедька! По твоему кучею надобѣ, едино лице и единъ образъ? Охъ б...нъ сынъ, собака косая, дуракъ страдникъ. Коли не знаешь въ книгахъ силы, и ты вступи бабы поселянки: заблудилъ-де отъ гордости, государыня матушка, на водахъ пустыни, и не знаю праваго пути къ Богу; а со отцемъ духовнымъ дѣволъ спросится претить мнѣ, и отъ него-де за воровство учинился проклять, — помози-де, матушка, моему сиротству, исправь мою душу косую, и весь-де мой органъ по душѣ катится косо, съ трудомъ великимъ, не путемъ ѣду, скажи-де, государыня, о Святѣй Троицѣ: Троица - де что есть? такъ она тебѣ скажетъ и отвѣщаетъ. Оедька! ну лбомъ, б...нъ сынъ, поселянкѣ той о землю. Таки-су и мнѣ, грѣшному, диво: каково хорошо старуха та отвѣщала. Гордоусъ, алгмѣй, собака! Богъ тебя навелъ на жену ту. Вступи еще ея же: что есть существо Божіе? и она тебѣ отвѣщаетъ»¹⁾. Такъ писалъ Аввакумъ. И это только одно изъ многихъ подобныхъ мѣстъ въ письмахъ его. Раскольники понимали неприличіе такихъ пріемовъ въ рѣчи о столь важныхъ предметахъ. Однимъ словомъ все было противъ Аввакума, по крайней мѣрѣ безпристрастные видѣли это. И вотъ пошла молва, что Аввакумъ вѣруетъ не по Писанію, что онъ даже еретикъ. Такъ заговорили и бывшіе духовные дѣти Аввакума. Вѣсть объ этомъ дошла до Пустозерска. И не видно, чтобы она особенно смутила Аввакума. Въ одномъ посланіи къ своимъ друзьямъ, писанномъ около 1678 года, онъ самъ вспоминаетъ объ этомъ. «Не по Писанію вѣрующіе еретицы суть, — писалъ онъ здѣсь, — такоже и прелогатаи Писанія еретицы суть... А я, грѣшный, кромѣ писаннаго не хочу собою затѣвать; какъ написано — такъ вѣрую, идѣже что святые написали мнѣ, такъ и добро. Иное же уже, окаянный, разсмѣюся: какъ-то, реку, уже сатана надо мною не возится! никоніане еретикомъ зовуть, дѣти духовные еретикомъ же зовуть! Да тѣмъ, реку. ты меня, бѣсь, не отлучишь отъ любви той Христовой... время имъ лаять, а мнѣ время терпѣть за имя Господне, не умерше мучитися. Пускай мучать душу мою и тѣло. Яко во огнѣ горю въ бѣдахъ и напастѣхъ. Отвсюду вся стекаются въ мою душу. Яко вранове стекаются на мертвое тѣло и яко волцы

¹⁾ Ркп. черн. сем. № 135, ст. 10.

на скоть пораженный, или яко псы на стерво: тако и на мою грѣшную душу отвсюду рати и бури, отвсюду мятежи, отвсюду ухищренія, — жива мя поглотити дѣволъ ищетъ. Многи волны и люто потопленіе, но не боюся погрязновенія на камени бо стою. Аще и приражаются каменю волны, но въ пѣны претворяются, камени же вредити не могутъ. Камень же — Христось. И я за Него держусь, никого не боюсь, — ни царя, ни князя, ни богата, ни сильна, ни дѣвола самого, но наступаю на змію и на скорпію и на всю силу вражію» (VIII, 84—5). Очевидно въ новой молвѣ о себѣ Аввакумъ видѣлъ лишь новое доказательство правоты своего пути, своего неуклоннаго слѣдованія по Писанію, и былъ слишкомъ самонадѣянъ, чтобы оглянуться назадъ, провѣрить себя по указанію другихъ и хоть въ чемъ-нибудь сдѣлать уступку. Между тѣмъ судъ былъ уже близокъ. Окончательное осужденіе писемъ Аввакума было только уже дѣломъ времени.

«Велія распря бысть въ христіанѣхъ, — гласитъ сказаніе, — овии начаша Аввакума протопона мудрованіе хвалити, друзи же Θεодора діакона». Первыхъ было больше. Они плодили списки Аввакумовыхъ писемъ и всюду разсылали ихъ. Такимъ путемъ спорныя письма проникли и на Керженецъ. Въ скитѣ Онуфрія они были получены прямо отъ Сергія. Онуфрій, Поликарпъ Петровъ изъ Романова, Измаилъ ученикъ Онуфрія, нѣкій Иванъ Грачевъ изъ Ярославля и «первый любитель» писемъ Аввакума — Сергій явились главными защитниками послѣднихъ на Керженцѣ. Поликарпъ самъ и переписывалъ письма. Въ то время въ Керженскихъ лѣсахъ спасался дворянинъ Θεодоръ Токмачевъ изъ Пошехонья. Ему только теперь попались въ руки отрывки изъ писемъ Аввакума. Читая ихъ, онъ не мало дивился. Показывалъ одному, другому, многимъ, и всѣ говорили, что такого мудрованія въ святыхъ книгахъ нѣтъ. Единомышленники Онуфрія также увѣряли, что и они вѣрують по стариннымъ книгамъ, но дѣлали такъ лишь за тѣмъ, чтобы прельщать другихъ. «Егда же кто, вѣдая прелесть ихъ, речеть имъ похулити на имена скверныя ереси», заключающіяся въ Аввакумовскихъ письмахъ, «того зѣло ненавидѣли». Поэтому, посовѣтовавшись съ другими, Θεодоръ Токмачевъ рѣшилъ собрать соборъ. Соборъ состоялся 19 августа 1693 года. На немъ присутствовали иноки: Иларіонъ, Александръ, Илья, Павлинъ, Іовъ и два извѣстные борца противъ Онуфрія — инокъ Мина и инокъ Галактіонъ слѣпой. Мірскаго чина было сем-

надцать человекъ: Теофилактъ, Іаковъ, Василій, Иванъ, Василій, Савелій, Иванъ, Иванъ, Иванъ, Іосифъ, Авдій, Тимофей, Θεодоръ, Матѳеѳ, Стефанъ, Михаилъ и Родіонъ. Токмачевъ указалъ собранію на Онуфрія, Сергія, Поликарпа и другихъ ихъ единомышленниковъ, обвиняя ихъ «въ тяжкихъ ересьяхъ», и собраніе рѣшило призвать обвиняемыхъ къ отвѣту. Посылали къ Онуфрію разъ, другой, наконецъ третій, чтобы онъ съ своими сторонниками пришелъ на собраніе и принесъ бы покаяніе въ своемъ паденіи, но Онуфрій не являлся и придумалъ учинить недоброе. Пришелъ посланный отъ Онуфрія, монахъ Александръ, и пригласилъ участниковъ сходки къ Онуфрію. Токмачевъ послушался, и съ монахами и бѣльцами отправился по прошенію. Пришли. Θεодоръ развернулъ коніи съ писемъ Аввакумовскихъ, писанныя Поликарпомъ Петровымъ, и началъ бесѣду. Но Поликарпъ не далъ ему говорить. Онъ кинулся на Токмачева, вырвалъ у него изъ рукъ письма и разорвалъ въ клочки, только часть осталась въ рукахъ Θεодора. Началась суматоха и раздался крикъ: «стрѣляй прямо». Это кричали противники Токмачева, показывая на его единомышленниковъ. Пришедшіе на преніе раскольники бросились бѣжать въ лѣсъ; Токмачеву едва-едва удалось спастись. Возвратившись домой, они составили «хартію» объ этомъ событіи, всё подписали ее и положили на храненіе, а списки съ нея стали раздавать народу. Ученіе онуфріанъ названо было въ этомъ актѣ ересью, защитники его еретиками. Описанная сходка на Онуфрія происходила въ починкѣ Зиновьевѣ. Пошли толки изъ скита въ скитъ, изъ починка въ починокъ: всѣхъ занималъ вопросъ о ереси Онуфрія. Онуфрій не только не хотѣлъ отказаться отъ спорныхъ писемъ, но сталъ защищать ихъ сильнѣе и уже открыто предъ всѣми. Въ его скитѣ письмамъ этимъ стали воздавать почести паче Евангелія. Переплетали ихъ въ бархатъ, ставили въ переднемъ углу у иконъ, ввели чтеніе ихъ за богослуженіемъ. Одни носили письма съ собой въ надеждѣ на избавленіе чрезъ нихъ отъ напастей, другіе натирали письма ладномъ, чтобы хоть этимъ воздать имъ почести. «И бысть тогда конечное раздѣленіе, яко и попы на коейждо странѣ свои имѣяху, и не общахуся другъ съ другомъ, и ови другихъ зовяху трисушниками и онуфріанами, онуфріане же тѣхъ порицаху кривотолками». Противники Онуфрія группируются около попа Софонія. Сила Онуфрія опиралась только на ма-

теріальное значеніе его *скита* и потому рано или поздно должна была пасть ¹⁾....

IV.

Въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ памятникахъ, относящихся къ описаннымъ нами спорамъ, затѣмъ о нѣкоторыхъ участникахъ этихъ послѣднихъ, наконецъ о послѣднемъ исходѣ эпизода.

1. Изъ не бывшихъ подъ руками издателя сочиненій Аввакума, имѣющихъ важное значеніе для изложенной нами исторіи, можемъ указать на подлинныя догматическія посланія Аввакума, находящіяся въ выдержкахъ въ рукописномъ сборникѣ черниговской семинаріи подъ № 135. Объ этомъ памятникѣ слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе.

Есть «Сказаніе о распряхъ, происходившихъ на Керженцѣ изъ-за Аввакумовыхъ догматическихъ писемъ». Оно издано въ упомянутыхъ «Матеріалахъ для исторіи раскола», VIII, 204—353, по рукописи Публ. библ. изъ собр. Погодина № 1256, именно: стр. 204—322 есть текстъ лл. 300—349 полностью, а стр. 323—353 изъ статьи: «Обличеніе отъ святаго писанія на несогласныя письма протопопа Аввакума и на заступниковъ тѣхъ писемъ старца Онуфрія, Героея бѣльца и на единомышленниковъ ихъ». Въ этой статьѣ есть «Сказаніе вкратцѣ» о томъ же предметѣ, которое дополняетъ пространное «Сказаніе» нѣкоторыми подробностями. Въ концѣ его стоитъ позднѣйшая приписка съ упоминаніемъ о «мировомъ писаніи» (стр. 352): здѣсь разумѣется «мировой свитокъ» 1717 года, напечатанный въ «Полномъ историческомъ извѣстіи о раскольникахъ» протоіерея Іоаннова: стр. 208—11, изд. 1799 года. «Сказанія» написаны въ 1710 году. Имя автора неизвѣстно, но видно, что онъ лично былъ хорошо знакомъ съ описываемыми событіями и имѣлъ подъ руками относящіяся къ нимъ документы. Это свидѣтельствуетъ о фактической достовѣрности «сказанія». ²⁾

¹⁾ Мат. для ист. раск. VII, 238. 42. 260. 294, 336—7. 346. Пр. Соб. 1858, II, 132.

²⁾ *Іоанновъ* въ „Полномъ историческомъ извѣстіи о раскольникахъ“ впервые воспользовался настоящимъ „Сказаніемъ“ о керженскихъ спорахъ (стр. 206—8, изд. 1799). Видно, что онъ читалъ и „Сказаніе вкратцѣ“. Но хронологія у него другая. Такъ, трѣтье „сходбище“ на Онуфрія было,

Въ «Сказаніи» излагается исторія распри на Керженцѣ изъ-за писемъ Аввакума, въ которыхъ онъ полемизировалъ съ діакономъ Феодоромъ по догматическимъ вопросамъ. Они были извѣстны подъ именемъ «спорныхъ писемъ». Въ «Сказаніи» приведены выдержки изъ этихъ «писемъ» (VIII, 214—23). Раскольники отвергаютъ подлинность послѣднихъ. Такъ, еще Семень Денисовъ въ «Виноградѣ Россійскомъ» доказывалъ, что догматическія «письма» Аввакума есть будто бы не что иное, какъ выдумка православныхъ полемистовъ противъ раскола, авторовъ «Розыска» и «Працицы», — «баснословіе спитое на вседобляго» (гл. 2, ст. 4). Послѣдующіе раскольническіе историки повторяютъ это. Напримѣръ, авторъ «Обличеній» на «Полное историческое извѣстіе» Іоаннова говорить о «спорныхъ письмахъ», что они «подъ именемъ протопопа Аввакума и Феодора діакона ложно нѣкіими внѣшними іезуиты сочинены на развратъ святой церкви»¹⁾. Дѣйствительно, въ раскольническихъ сборникахъ сочиненій Аввакума, доселѣ извѣстныхъ, этихъ писемъ не встрѣчается. Но это объясняется тѣмъ, что письма эти имѣютъ еретическій характеръ. Ревнуя о чести своего знаменитаго учителя, раскольники позаботились исключить ихъ изъ числа его сочиненій. Въ дѣйствительности же подлинность этихъ писемъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. «Доводы» Денисова опровергнуты православными писателями съ достаточной полнотой²⁾. Можно только добавить, что вновь открытыми сочиненіями, безспорно принадлежащими Аввакуму, подтверждается

у Іоаннову, 28 апрѣля 1698 года; между тѣмъ въ „Сказаніи“, какъ странно (стр. 268), такъ и кратко (стр. 337), упоминается о сходкѣ 27 апрѣля и—не 7206 года, а 7216. Ошибка могла произойти легко; но ясно, что ошибка—у Іоаннова; такъ какъ изъ „Сказанія“ видно, что раніе апрѣльской сходки 1706 года было еще двѣ сходки—1706 года (стр. 250. 251). Подобнымъ образомъ въ „Сказаніи“ упоминается о „соборномъ писаніи“ 7217 г. 28 ноября года (стр. 346), а у Іоаннова—объ опредѣленіи 7207 ноября 28 дня: Свѣдѣніями, приведенными у Іоаннова, пользовались митр. Макарій („Истор. русск. раск.“ стр., 288—9, изд. 1855.) и А. В. (Опис. раск. соч. II, 40—2. Спб. 1862.). Подлиннымъ „Сказаніемъ“, именно въ пространной редакціи, въ томъ самомъ спискѣ, по которому сдѣлано печатное изданіе, пользовался Есиповъ — „Раск. дѣл. XVIII вѣка“, II, 223—60. Спб. 1863. Онъ подробно изложилъ содержаніе „Сказанія“, по хронологическимъ разностямъ сравнительно съ извѣстіемъ Іоаннова не отмѣтилъ. Въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ даты, приведенныя у Іоаннова и Есипова соединялись, впрочемъ безъ поясненій. См. Ѳ. Еленинаго: О состояніи раскола при Петрѣ I, стр. 122—3. Спб. 1864.

¹⁾ Ркп. Хлудов. библи. № 302, in F, лл. 286—8.

²⁾ Макарій: Ист. русск. раск., стр. 289, прим. 505. — А. В.: Опис. раск соч. II, 39—43. — Н. И. Субботинъ: Бр. Сл. 1875, IV, отд. 2, стр. 265—75.

не только то, что у него была распря съ Феодоромъ, но и то, что онъ умствовалъ именно такъ, какъ показывается въ «спорныхъ писмахъ». Ср. «Мат. для ист. раск.» V, 271—82. 347—49; VIII, 107—8. 112. Въ цѣломъ своемъ видѣ «спорныя письма» неизвѣстны. Въ первый разъ отрывки изъ нихъ были приведены въ «Розыскѣ»¹⁾. Въ «Полномъ историческомъ извѣстіи» Іоаннова сдѣлано, какъ показываетъ сравненіе, сокращеніе изъ текста «писемъ» въ упомянутомъ «Сказаніи»²⁾. Недавно стали извѣстны выдержки изъ тѣхъ же писемъ Аввакума по сочиненію бывшаго безпоповца Григорія Яковлева, писанному въ 1748 году³⁾. А мы нашли ихъ еще въ рукописи черниговской семинаріи: № 135, in 8°. Сравнивая эти отрывки между собою и съ VIII, 219—23, затѣмъ принимая во вниманіе нѣкоторыя посланія Аввакума къ игумену Сергію—VIII, 107—12, наконецъ имѣя въ виду прямое свидѣтельство самого Аввакума—V, 175, приходимъ къ заключенію, что а) подъ именемъ «спорныхъ писемъ» были извѣстны посланія Аввакума по догматическимъ и другимъ вопросамъ въ Москву ко всемъ ученикамъ вмѣстѣ съ частными письмами къ «игумену» Сергію и къ соловецкому выходцу діакону Игнатію; б) въ полномъ видѣ и цѣломъ составѣ ихъ мы не имѣемъ; в) рукопись черниговской семинаріи даетъ самыя полныя, исправныя въ текстѣ, выдержки. Примѣнительно къ полемическимъ цѣлямъ текстъ писемъ здѣсь разбитъ на 16 отдѣльныхъ статей подъ именемъ «статей несогласныхъ писемъ протопопа Аввакума», т. е. несогласныхъ съ «писаніемъ».

2. Кто такой былъ *Сергій*—защитникъ еретическихъ писемъ Аввакума на Керженцѣ?—Въ изслѣдованіяхъ по расколу не дается опредѣленныхъ свѣдѣній о старцѣ Сергіѣ, жившемъ на Керженцѣ. Митр. Макарій, повторяя слова автора «Працицы»⁴⁾, называетъ Сергія *нижегородцемъ*, причемъ, повидимому, отличаетъ его отъ другого старца Сергія, который былъ виновникомъ появленія на Керженцѣ догматическихъ писемъ Аввакума⁵⁾. Другіе отождествляютъ Сергія съ старцемъ Сергіемъ, котораго судили на соборѣ 1666 года⁶⁾, безъ всякихъ—

¹⁾ Розыскъ, стр. 51—62. 78. М. 1847.

²⁾ *Іоанновъ*, стр. 82—8; ср. VIII, 219—20.

³⁾ Извѣщеніе правед. о раск. безпопов. — «Вр. Сл.» 1888, 1, 162—3.

⁴⁾ Працица, т. 11, изд. 1721 г.

⁵⁾ Ист. русск. раск., стр. 288. Спб. 1855.

⁶⁾ Нижегород. Епарх. Вѣд. 1865, № 15, стр. 14.

прямо видно — основаній ¹⁾). Есть данія, чтобы рѣшить этотъ вопросъ иначе.

По свидѣтельству «Сказанія» о керженскихъ догматическихъ спорахъ, въ началѣ 90-хъ годовъ XVII вѣка на Керженцѣ жилъ инокъ Сергій — защитникъ догматическихъ писемъ Аввакума ²⁾). Другой памятникъ — «Отразительное писаніе», писанный инокомъ Евфросиномъ въ 1691 году, также упоминаетъ, что въ то время на Керженцѣ жилъ инокъ Сергій — ученикъ Аввакума и защитникъ писемъ его въ пользу самоистребленія ³⁾). Такъ какъ оба памятника говорятъ объ инокѣ Сергій, жившемъ въ скитѣ Онуфрія, то, очевидно, они разумѣютъ одно и то же лицо. Теперь спрашивается: кто же этотъ инокъ Сергій? По всѣмъ признакамъ не кто иной, какъ тотъ любимецъ Аввакума инокъ Сергій, котораго за ревность о расколѣ протопопъ почтилъ саномъ игумена. Уже одно то, что игумень Сергій спрашивалъ Аввакума и получалъ отъ него отвѣты о такихъ предметахъ вѣры ⁴⁾, споры о которыхъ начались на Керженцѣ по винѣ инока Сергія, занесшаго туда письма Аввакума и бывшаго ихъ защитникомъ ⁵⁾, — даетъ основаніе думать, что игумень Сергій и инокъ Сергій — распространитель и защитникъ еретическихъ писемъ Аввакума есть одно лицо. вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что игумень Сергій есть инокъ Сергій — распространитель и защитникъ писемъ Аввакума въ защиту самоистребленія, такъ какъ, по свидѣтельству инока Евфросина, этотъ ученикъ Аввакума именовалъ себя «игуменомъ», невѣдомо почему ⁶⁾, но, очевидно, потому, что въ «игумены» назначилъ Сергія Аввакумъ. Такимъ образомъ при посредствѣ извѣстій изъ третьяго источника личность инока Сергія, жившаго, по свидѣтельству инока Евфросина и «Сказанія» о керженскихъ спорахъ, на Керженцѣ, до извѣстной степени уясняется. А на основаніи новаго источника мы можемъ утверждать, что рѣчь идетъ не о комъ другомъ, какъ объ инокѣ Сергій, участникѣ смуты 5 іюля 1682 года. Въ одномъ посланіи въ Москву, обращаясь къ игумену Сергію, Аввакумъ писалъ: «а еже,

¹⁾ Мат. для ист. раск. II, 13; ср. 118. .

²⁾ Тамъ же, VIII, 238-40.

³⁾ *Евфросимъ*, стр. 110, 114; см. 104. Спб. 1895.

⁴⁾ Мат. для ист. раск. VIII, 107-12.

⁵⁾ Тамъ же, VIII, 221, 238.

⁶⁾ *Евфросимъ*, стр. 15, 20. Спб. 1895.

изволившу Духу Святому вложить во умъ отцу Досиею съ челобитными, по жребію, стужати царю о исправленіи вѣры, — и кто азъ силенъ возбранити воли Божіей, еже не быть тако? Да будетъ, да будетъ! Господь благословитъ *тя* и съ Максимомъ»¹⁾). А инокъ Сергій на допросѣ по дѣлу о смутѣ 5 іюля 1682 года показаль, что онъ «пришелъ въ Москву по жребію и по посланію игумена Досиея битъ челомъ государямъ» о введеніи въ употребленіе *старыхъ* Служебниковъ²⁾). Очевидно, жребій палъ на игумена Сергія; послѣдній спрашиваль объ этомъ Аввакума, вѣроятно потому, что сомнѣвался въ успѣхѣхъ предирія³⁾; Аввакумъ не «возбранилъ» дѣлу и благословилъ на него Сергія; поэтому Сергій исполнилъ возложенное на него порученіе. А послѣ этого мы можемъ идти далѣе. Инокъ Сергій, участникъ смуты 5 іюля 1682 года, показываль о себѣ, что онъ носилъ въ мірѣ имя Симеона. Поэтому мы можемъ искать слѣдовъ того, что и Сергій игумень, распространитель «самосожигательныхъ писемъ» Аввакума, до постриженія назывался Симеономъ. Такіе слѣды дѣйствительно остались. По свидѣтельству инока Евфросина, въ то время, когда игумень Сергій распространяль «самосожигательныя письма» Аввакума, — явились поддѣлки послѣднихъ⁴⁾; въ томъ числѣ и такія, которыя состояли изъ буквальныхъ выписокъ изъ подлинныхъ посланій Аввакума, писанныхъ имъ въ разное время и разнымъ лицамъ. Такого рода поддѣлку, какъ это было пояснено нами въ другомъ мѣстѣ⁵⁾, представляетъ «посланіе къ нѣкому Сергію», напечатанное въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1888, I, 754—7. Въ началѣ встрѣчаемъ здѣсь двѣ выписки изъ сочиненій Аввакума, въ которыхъ онъ бесѣдуетъ съ ученикомъ своимъ Симеономъ—VIII, 28—V, 204,—но вмѣсто имени Симеона здѣсь стоитъ имя Сергія: «добро дѣло содѣяли, чадо Сергіе»: явный знакъ, что Сергій носилъ имя Симеона и что этотъ Симеонъ есть не кто иной, какъ пресловутый ученикъ Аввакума Симеонъ, котораго за преданность расколу учитель называль «богопріимцемъ»⁶⁾. Тотъ же выводъ получается изъ

1) Мат. для ист. раск. VIII, 97.

2) Тамъ же, IV, 299.

3) Лѣтоп. русск. лит. V, II, 112.

4) *Евфросимъ*, стр. 89.

5) Происхожденіе самонстрѣб. въ русск. расколѣ, стр. 23. Спб. 1895.

6) Мат. для ист. раск. V, 204.

другихъ сопоставленій, именно изъ сопоставленія писемъ Аввакума къ Симеону съ извѣстіемъ инока Евфросина о Сергіѣ. Инокъ Сергіѣ, жившій на Керженцѣ, ученикъ Аввакума, по свидѣтельству инока Евфросина, былъ виновникомъ распространенія писемъ Аввакума, похвалявшихъ самоистребленіе: онъ спрашивалъ Аввакума о самосожженцахъ особымъ письмомъ, причемъ представилъ дѣло въ ложномъ свѣтѣ. «Есть въ семь дѣлъ моя вина,—раскаивался послѣ Сергіѣ,—азъ не такъ писалъ Аввакуму, какъ дѣлается здѣ, но слишкомъ мучительскую сказахъ лишнюю лютость, а самосожженцевъ повѣдахъ и не бывшее *благочестіе*»,—не сказалъ, что сами самовольно собираются и бѣду на себя накликаютъ, но повѣдалъ, «яко *изъ рукъ мучительскихъ урываются и сожигаются*». Такъ писалъ Сергіѣ Аввакуму. «И тому,—разсказывалъ Сергіѣ,—моему вопросу и отвѣтъ отецъ прислалъ», т. е. Аввакумъ, одобривъ самоистребленіе, причемъ прибавилъ (т. е. Аввакумъ), что самоистребленіе *одобримъ* и другіе его союзники, съ которыми онъ *разсуждалъ*¹⁾. А изъ посланій Аввакума къ Симеону видно, что послѣдній писалъ въ Пустозерскъ вопросы и о «мучительской лютости» и о «благочестіи» самосожженцевъ, отчего и рѣчь Аввакума въ отвѣтныхъ посланіяхъ переполнена подробностями объ этихъ предметахъ: Аввакумъ опредѣляетъ «съ мученики въ чинъ» всѣхъ сожженныхъ, равно говоритъ и о самосожженныхъ. «Добро дѣло содѣяли, чадо Симеоне,—отвѣчаетъ онъ здѣсь о послѣднихъ,—надобно такъ! *Разсуждали мы между собою*». Приэтомъ поводъ самосожженія Аввакумъ описываетъ такъ, какъ, очевидно, возвѣстилъ ему Симеонъ: «а въ Нижнемъ преславно бысть: оныхъ еретики пожигаютъ, а инии, *распалъшеся любовію* и плакавъ о благовѣріи, *не дождался еретическаго осужденія*, сами въ огонь дерзнули»²⁾. Такимъ образомъ въ дѣлахъ Симеона мы узнаемъ Сергіѣ, какъ послѣдній самъ передавалъ о себѣ. Приэтомъ нельзя не обратить вниманія и на другія частности. Инокъ Сергіѣ, участникъ смуты 5 іюля 1682 года, показывалъ о себѣ, что онъ родомъ *нижегородецъ*, посадскій человекъ, полпята года жилъ дѣячкомъ въ монастырѣ Антонія Сійскаго³⁾: очень можетъ

¹⁾ *Евфросинъ*. стр. 18—20. 110.

²⁾ Мат. для ист. раск. V, 204. 206—10.

³⁾ Тамъ же, IV, 299.

быть, что знакомство Симеона съ Аввакумомъ началось еще на ихъ родинѣ. «Новому игумну, старому моему чадо, Сергію отцу радоватися въ упованіи вѣчныхъ благъ! Припомяни, чадо, и о мнѣ въ день радостный. Хошу съ тобою *совсельникъ* быти въ пазухѣ Авраамовѣ»¹⁾: такъ обращался Аввакумъ къ Сергію въ посланіи, писанномъ имъ въ послѣдніе годы жизни, а такимъ «старымъ» любимцемъ Аввакума, котораго онъ всегда и вездѣ хотѣлъ имѣть съ собой, былъ именно Симеонъ, Симеонушка, Симеонъ миленькій²⁾, и очевидно, что «старое чадо» Аввакума только подъ конецъ жизни послѣдняго было почтено «игуменствомъ». Памятники называютъ инока Сергія, жившаго на Керженцѣ, ученикомъ Аввакума: среди учениковъ Аввакума былъ одинъ съ именемъ Сергія—именуемый игумень.

Итакъ, Симеонъ—ученикъ Аввакума, Сергій—именуемый игумень, инокъ Сергій—участникъ смуты 5 іюля 1682 года, и Сергій—инокъ, жившій въ концѣ XVII вѣка на Керженцѣ, по всѣмъ признакамъ, есть одно лицо. Какимъ же образомъ могло случиться, что Сергій, подвизавшійся, главнымъ образомъ, въ Москвѣ, какъ въ то время, когда сдѣлался «игуменомъ», такъ и ранѣе³⁾,—явился на Керженцѣ? Изъ «Исторіи о вѣрѣ» участника смуты 5 іюля 1682 года Саввы Романова видно, что Сергій послѣ событій 5 іюля былъ посланъ въ заточеніе въ ярославскій Спасскій монастырь⁴⁾. Отсюда, въ 1684 году, былъ переведенъ въ Солотчинскій монастырь рязанской епархіи. Тутъ велѣно было держать Сергія, «вкинувъ въ земляную тюрьму, подъ крѣпкою стражею, и никому къ нему не ходить, и чернилъ и бумаги не давать, и чтобы онъ б.....ныхъ писемъ не писалъ»⁵⁾. Такое распоряженіе могло быть вызвано тѣмъ, что Сергій, когда находился въ ярославскомъ монастырѣ, имѣлъ письменныя сношенія съ раскольниками, причемъ раскольники, вѣроятно и лично навѣщали его. А въ такомъ случаѣ тѣмъ болѣе можно предположить, что изъ мѣста новаго заключенія Сергій учинилъ бѣгство,—естественно въ родныя нижегородскія пустыни. И надо думать, что за эти «подвиги» Сергія и чествовали

1) Тамъ же, VIII, 107.

2) Тамъ же, V, 200-204; VIII, 33.

3) Тамъ же, VIII, 96; V, 238.

4) Истоп. русск. лит. V. II, 148.

5) Истор. обзор. рязан. іерарх., стр. 185 6, изд. 1820 г.

именемъ «страдальца»¹⁾). Если бы Сергій умеръ въ заточеніи, то «Виноградъ Россійскій» всекомечно упомянулъ бы о Сергій.

3. Упорство Онуфрія было причиной того, что сходки на него продолжались и въ началѣ XVIII вѣка. Наконецъ въ 1709 году онъ отказался отъ писемъ. Въ слѣдующемъ году было составлено сказаніе о керженскихъ расправахъ: рукоп. Публ. библ. изъ собр. Погодина, № 1256, лл. 350—402. Здѣсь есть и разборъ писемъ Аввакума на основаніи писанія. Подобное же опроверженіе писемъ, по статьямъ, есть въ рукописяхъ черниговской семинаріи, три списка: два въ рукописи № 136, лл. 1—124+128—228, и одинъ въ рукописи № 135, лл. 1—54. При сходствѣ всѣ они различаются по количеству и составу выписокъ изъ книгъ. Тщательность во всѣхъ отношеніяхъ принадлежитъ экземпляру № 135. Заглавіе его: «Собраніе отъ божественнаго писанія вкратцѣ, на обличеніе ложныхъ и нецерковныхъ, несогласныхъ съ божественнымъ писаніемъ святыхъ отецъ, писемъ протопопа Аввакума, отложенныхъ христіанскимъ соборомъ въ лѣто отъ созданія міра 7217 мѣсяца ноября въ 28 день». Всего 16 статей. Всѣ онѣ написаны въ одномъ порядкѣ: сначала выписывается «статья несогласныхъ писемъ» Аввакума; затѣмъ, гдѣ можно, показывается въ ней «древнихъ еретикъ мудрованіе», т. е. ея буквальное сходство съ ученіемъ тѣхъ или другихъ еретиковъ; въ заключеніе приводится «свидѣтельство и обличеніе отъ божественнаго писанія» — изъ Священнаго Писанія, изъ твореній отцевъ и учителей церкви, изъ символовъ вѣры и особенно изъ богослужебныхъ книгъ. Въ рукописи № 136, лл. 125—6, приведена выдержка изъ любопытнаго посланія изъ Москвы на Керженецъ. «Священноиноуку и общему отцу нашему Софонію, да отцу Сергію, да отцу Іакову, да отцу Павлину, да отцу Никодиму, и всѣмъ прочимъ отцемъ нашимъ, которые во единности вѣры истиннаго благочестія. Вѣдомо вамъ буди и сіе, честніи отцы, егда былъ Онуфрій ипокъ на Москвѣ, Іерошей Андреевъ съ своими единомышленники паки его Онуфрія совратилъ въ свою имъ старую прелесть. Напишите и о Иванѣ Викуловѣ, и о Павлѣ Захаровѣ, и Θεодорѣ Θεодоровѣ,—на письма обличеніе. А ложные письма, собравъ на

¹⁾ Флоровъ: „Обличеніе на раск.“: Бр. Ст. 1894, I, 476; ср. Мат. для ист. раск. VIII, 242, прим. 1.

нихъ отъ божественнаго писанія — на Симеона попа, и Ивана Вилулова, и Павла Захарова, и Θεодора Θεодорова — приплите. И будетъ вамъ мзда отъ Бога». Вслѣдъ затѣмъ приведена выдержка изъ посланія на Керженецъ вѣтковскаго попа Θεодосія 1710 года, въ которомъ онъ просилъ того же старца *Сергія* «выписать» изъ писемъ Аввакума «все вины что о богословіи неправо» ¹⁾. Очевидно, эти ссылки на два посланія сдѣланы составителемъ обличеній на письма Аввакума въ качествѣ оправданія для себя. Въ рукописи № 135 сдѣлана ссылка, какъ сказано выше, на опредѣленіе собора 28 ноября 1709 года. На этомъ соборѣ Онуфрій далъ подписку возвратить «спорныя письма» Сергію, отъ котораго онъ получилъ ихъ, и возвратилъ. «А онъ, Сергій, — добавляетъ сказаніе, — соберетъ свидѣтельства отъ божественнаго писанія и обличитъ тѣ хульныя письма» ²⁾. Долгъ сдѣлать это, дѣйствительно, лежалъ на Сергіѣ, первомъ виновникѣ распространенія писемъ Аввакума. А самъ Сергій скоро убѣдился въ ихъ ложности ³⁾. Не онъ ли былъ составителемъ разсматриваемыхъ «собраній отъ писанія» на письма Аввакума? По крайней мѣрѣ приписка на полѣ въ рукописи «Сказанія» о керженскихъ спорахъ, сдѣланная при упоминаніи о Сергіѣ, гласитъ прямо: «Сергій страдалецъ, *обличитель* ложныхъ писемъ Аввакумовыхъ» ⁴⁾. Да и поэтъ Θεодосій просилъ прежде всего Сергія потрудиться въ этомъ дѣлѣ.

Последній актъ по поводу писемъ Аввакума, какъ извѣстно, относится къ 1717 году, когда обѣими сторонами былъ подписанъ «мировой свитокъ», съ отрицаніемъ «спорныхъ писемъ» ⁵⁾.

Петръ Смирновъ.

¹⁾ Полн. истор. извѣстіе о раскол., стр. 275—6. Спб. 1799 г.

²⁾ Мат. для ист. раск. VIII, 345—6.

³⁾ Тамъ же, VIII, 240.

⁴⁾ Тамъ же, VIII, 242.

⁵⁾ Полн. ист. изв. о раск. *Юаннова*, стр. 208—11.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки